

— Слушаюсь! — отозвался тайный страж и бесшумно растворился в тенях.

В кабинете вновь воцарилась тишина. Сяо Юй взял со стола другое донесение — о передвижениях на границе. Его взгляд был устремлен в строки, но мысли на мгновение унеслись прочь.

Если Обитель Забытых Забот действительно её рук дело...

Его глаза потемнели, словно густая, неразбавленная тушь. Сколько же секретов скрывает его новая супруга, которая на первый взгляд кажется такой покорной и лишь жаждет получить Письмо о расторжении брака? Похоже, он привел в дом человека, чьи возможности трудно даже вообразить.

А в это время во Дворе Тихих Раздумий Су Мань расстелила новый лист рисовой бумаги, взяла кисть, обмакнула её в тушь и вывела три иероглифа: Нишанге.

Её торговая империя только начала закладывать фундамент. Сколько бы глаз ни следило за ней из темноты, она не сделает ни шагу назад. Партия уже расставлена.

Раннее лето в Столице уже дышало зноем, но во Дворе Тихих Раздумий, что в Поместье генерала, словно нажали на невидимую кнопку беззвучного режима — даже стрекот цикад здесь звучал приглушенно.

Жизнь Су Мань на первый взгляд казалась стоячей водой, в которой не бывает ряби. Утренние и вечерние приветствия она, разумеется, пропускала, сославшись на немощь, чтобы не мозолить глаза госпоже Сяо — матери генерала — и другим невесткам в главном дворе. Оставшееся время она либо проводила на кушетке, листая легкие любовные романы, либо подолгу смотрела на незаконченную партию в го. Иногда, если находило вдохновение, перебирала струны гуцзя, стоявшего на столе, но звуки получались глухими, обрывистыми и лишенными всякой мелодии.

Служанки и пожилые горничные, приставленные к ней для прислуживания, поначалу пытались подслушивать под окнами, но со временем потеряли интерес. Они решили, что новая госпожа — скучная, нелюбимая мужем кукла, от которой, кроме красивого лица, нет никакого проку. Сплетен стало больше.

— Говорит, что слаба здоровьем, мол, ветер дунет — упадет, а на деле просто заносчива, презирает наш дом военного чиновника.

— И то верно. Родом-то из семьи всего лишь помощника министра, да еще и из побочной ветви, а гонору-то сколько...

— Генерал с брачной ночи к ней и не заглядывал, верно? Тьфу, обречена на жизнь вдовы при

живом муже...

Эти обрывки фраз, когда голоса становились чуть громче, долетали через оконную раму.

Су Мань в это время изучала развернутый сборник Местных достопримечательностей, но пальцы её, смоченные в чае, быстро вычерчивали на неприметном углу стола формулу расчета себестоимости и цены продажи тканей. Услышав доносившиеся снаружи пересуды, она замерла, и капля воды расплылась темным пятном.

Юньцюэ, раздувшись от гнева, уже готова была выскочить наружу, чтобы призвать сплетниц к ответу.

Су Мань бросила на неё взгляд — спокойный, как гладь воды, но этого хватило, чтобы Юньцюэ замерла на месте.

— Пусть говорят, — произнесла она ровным голосом, стирая пальцем след от воды. — Когда вокруг тихо, куда проще заниматься своими делами.

Она только и мечтала о том, чтобы все в поместье считали её пустотой. Эти презрение и непонимание были её лучшей маскировкой.

Настоящие бурные потоки скрывались за высокими стенами Поместья генерала.

Обитель Забытых Забот прочно обосновалась на Западном рынке, став настоящей золотой жилой. Очереди выстраивались с рассвета и до глубокой ночи. Дела в Павильоне Пьяного Бессмертного напротив пришли в полный упадок, и Цянь Маньгуань от досады покрылся язвами на губах, но больше не решался действовать опрометчиво. Пути через столичного градоначальника оказались перекрыты, а когда он попытался нанять уличных хулиганов, те даже не успели подойти к дверям Обители, как были избиты и выброшены обратно к дверям его заведения неизвестно откуда взявшимися грозными охранниками.

Цянь Маньгуань наконец испугался, осознав, что у новой владелицы за спиной стоят невероятно влиятельные люди, и был вынужден временно присмиреть.

Тем временем на юге города подготовка к открытию Нишанге подходила к концу. Помещение было в три раза больше, чем Обитель Забытых Забот, а местоположение выбрано так, чтобы находиться в стороне от шумных магистралей. Эскиз фасада Су Мань нарисовала сама: она отказалась от модных нынче вычурной резьбы и кричащих красок, выбрав минималистичные линии и строгие тона. Лишь одна табличка из темного дерева с надписью Нишанге — гордой и загадочной — украшала вход.